

Клонировать Марлен

Известия - 2005 - 21 янв. - с. 48, 32

Лидия Шамина

Современная культура растерзала ее об-раз на мелкие кусочки, словно дикари-лю-доеды останки несчастного Кука. Сколько коренных зубов оставили в плевательни-цах у дантистов желающие занять ее впа-лые скулы, сколько бровей выщипали па-рижмахиры в погоне за ее вопрошающим и провоцирующим изгибом, сколько ле-бедей ощипали модельеры, желающие сы-митировать ее белоснежную пшубу-облако. Сколько денег потратили несчастные трансвеститы на аукционах, где продава-лись детали ее гардероба. Ее андрогинные манеры, фраки и почти мужское контраль-то копировали и цитировали все, начиная от Мадонны и заканчивая Гурченко и Вай-куле. Ума Турман и Рената Литвинова — ка-ждая по-своему — воспроизводят скол с этого великого и холодного кристалла по-имени Марлен Дитрих. Она уже не чело-век, а тень на целлулоидной пленке, слой магнитной пыли на бобинах, непостижи-мая «моя любимая капуста» — так называл Марлен ее верный поклонник «папа» Хе-мингуэй.

Зашнурованные сантименты

Первое средство для создания легенды Марлен Дитрих — дисциплина.

Неизбежное принимай с достоинством, подчи-няясь логике, ложись спать до полуночи, небреж-ность, опрометчивость, безрассудство исключе-ны — эти устои она соблюдала всю жизнь. Само-

достаточность, граничащая с тайной, — этот фун-дамент имиджа был прочно заложен с детства. Марлен сама придумала легендарное имя, соеди-нив Марию и Магдалину, имена, данные ей при рождении. Легендарные ноги Марлен — тоже ре-зультат дисциплины. «Когда ты вырастешь, твои лодыжки должны быть тонкими», — приговари-вала мать, туго шнуря ее высокие ботинки. В на-граду в 1930-е ее ноги были застрахованы Ллой-дом на миллион марок, а компании, выпускавшие чулки, боролись за право воспользоваться их изо-бражением для рекламы. Тонкие лодыжки, при-меты «конюшны», или происхождения, имели для Марлен большое значение. Когда ей показалось, что у ее дочери Марии кривоватые ноги, она при-думала каждодневную пытку с колодками из ста-ли, в которых малышка спала два года.

Изнанкой строгости была сентиментальность — одновременно и ширма, и спасение. Себя и му-жа Марлен называла Мутти и Паппи, дочь — Ко-том, Хайдеде и Ребенком и старалась сохранять семью даже тогда, когда было ясно, что вместо нее — развалины. Отец, оба отчима, а потом соб-ственный муж Рудольф Зибер никогда не играли большой роли в жизни Дитрих. «Папиляйн» Зи-бер всю жизнь был «мистером Дитрих» — толь-ко эту роль ему позволялось играть возле вели-кой Марлен. Тем не менее, когда с ним прикло-чилась банальная почечная колика, она подняла на ноги весь Голливуд, ища врача «для милого Ру-ди». Она отнимала у дочки ливерную колбасу, которую было не достать: «Не трогай, это папи-на», заваливала мужа дорогими подарками и прожила с ним всю жизнь в законном браке.

→ стр. 31